

## ГЕНДЕР, "КУЛЬТУРА", СЕВЕРНЫЕ ПРОСТОРЫ

В данной статье автор на основе собственных этнографических исследований на российском Севере<sup>1</sup> рассматривает вопрос о символической соотнесенности между тремя противопоставлениями: "женский – мужской", "культурный – некультурный", "центр – периферия". Хотя на практике эти противопоставления вряд ли осознаются, их существование на дискурсивном уровне влияет на самооценку северян и на их авторитет в российском обществе в целом. "Культурность", "периферийность" и "маскулинность" – емкие понятия и репрезентируют ряд смыслов для разных социальных, профессиональных и этнических групп, проживающих на Севере. Цель данной статьи заключается в том, чтобы показать, как работают дискурсивные механизмы в связи с функционированием рассматриваемых здесь представлений.

В связи с рассматриваемой темой уместны предварительные уточнения о том, как автор понимает понятия "культура" и "субкультура". Понятие "культура" в данной статье употребляется в общепринятом смысле: она целостна и едина, но имеет различные градации; она представляется как достижение: носитель культурной традиции обладает ею в большей или меньшей степени (ср. выражения: "он очень культурный человек" и "он бескультурный человек"). Такое понимание "культуры", разумеется, отличается от концепции "культуры", которая принята в этнологии и антропологии. Так, антропологи предполагают, что существуют разные "культуры" (во множественном числе) и задача состоит в разьяснении отличий между ними. При исследовании "культур" речь идет чаще всего об этнических группах. "Субкультуры" обычно связывают не с этническими группами, а с другими маркерами идентичности, особенно с такими, которые менее видны посторонним, поскольку эти признаки относятся к бытовой (повседневной) сфере жизни или к неформальной сфере (например, аспекты досуга, нелегальные или табуированные аспекты жизни). Они обычно не демонстрируются в публичном пространстве. В следующих разделах статьи термин "субкультура" не используется, даже если обследуются разные профессиональные группы, которые можно рассматривать как "субкультуры". Лишь в заключительной части статьи автор вновь вернется к проблеме "субкультур". Пока же обратимся к другому ключевому понятию – "гендер" – и начнем с краткой характеристики мужской идентичности в российском обществе.

### *Изменение мужских социальных ролей*

"Мужественность", социальные роли мужчин и гендерные взаимоотношения в постсоветском российском обществе все чаще исследуются специалистами в области гендерных исследований, социологии и социальной антропологии (этнологии). Обслуживающий эту специализированную сторону идентичности современный дискурс, оформившийся за последние 20 лет, способствовал появлению большего разнообразия гендерных ролей. Современные мужские идентичности подвергаются изменениям во многих отношениях, и многие наши респонденты – мужчины и женщины – убеждены, что маскулинность находится в состоянии кризиса. Такие сомнения и трансформация мужской идентичности в России оценивались по-разному в соответствующих дисциплинах.

Следует упомянуть, по крайней мере, три подхода. Первый из них подчеркивает недавнюю тенденцию вернуть женщину назад – к домашнему очагу (Хоткина 2001; Юр-

---

**Йоахим Отто Хабек (Habeck)** – координатор Центра сибирских исследований (Siberian Studies Centre) Института социальной антропологии им. Макса Планка (Max Planck Institute for Social Anthropology), г. Галле (Германия).

чак 2002; Pilkington 1996). Предполагается, что вклад мужчины в заботу о детях и поддержку пожилых родственников может уменьшиться, а его роль как кормильца может возрасти. Второй подход отражает широко распространенную и давно укоренившуюся в российском обществе идею, что мужчины несут либо сравнительно небольшую ответственность за воспитание детей, либо не несут ответственности вовсе. В этом смысле мужчина (т.е. муж, супруг) отсутствует всегда, когда он нужен. Считается, что на мужчин нельзя положиться, потому что они непостоянны (*Здравомыслова, Темкина 2002; Кон 2001; Rotkirch 2000*). Эти два подхода характерны в основном для исследователей, работающих в области гендерных исследований и социологии. Существует и третий подход, который характерен почти исключительно для антропологических исследований. Он основан на наблюдении, что во многих северных сообществах упомянутое "мужское непостоянство" наиболее очевидно в пространственном смысле. Особо заметно это среди некоторых групп коренных народов Севера, но, как мы увидим позднее, не только среди них. Среди коренного населения пространственное разделение между мужчинами и женщинами наблюдается именно в связи с так называемыми традиционными занятиями, т.е. охотой, оленеводством и рыболовством. Мужчин "нет дома", они охотятся, пасут или рыбачат в лесу или в тундре, в то время как сфера деятельности женщин и детей сосредоточена вокруг деревни<sup>2</sup>. Эта пространственная разобщенность представителей разных полов рассматривается подробнее в следующем разделе.

#### **Распределение мужчин и женщин в пространстве**

Пространственное разделение между мужчинами и женщинами, которое наблюдается у многих коренных малочисленных народов Севера, возникло в результате политики поощрения оседлости, которая проводилась советской властью начиная с 1930-х годов (см., напр.: *Увачан 1984*). Согласно этой доктрине "бытовое кочевание", т.е. совместное кочевание практически всех членов семьи, рассматривалось как отсталый образ жизни и хозяйствования и заменялось "производственным кочеванием". Основная часть семьи должна была постоянно проживать и трудиться в поселке. В тайге или тундре должны были находиться только необходимые для охоты и оленеводства работники. В большинстве регионов была организована система "сменного выпаса" оленей, т.е. пастухи регулярно возвращались в поселок по прибытии следующей "рабочей смены".

Оседлость и коллективизация создали условия для преобразования охоты и оленеводства в профессиональные, планируемые и регулируемые виды деятельности. Ученые, анализировавшие экономику оленеводства, писали о низкой производительности труда у женщин, занятых в кочевых хозяйствах, по сравнению с производительностью труда у мужчин (*Лаишов, Литовка 1982: 124*). В силу этого число пастухов должно было превосходить число чумработниц. Возрастающий профессиональный и "агропромышленный" характер оленеводства сопровождался символической трансформацией тундры в "завод под открытым небом" по производству оленьего мяса (*Vitebsky 1992: 242*).

Политика коллективизации, оседлости и укрупнения хозяйств на Севере вела к тому, что женщины и дети постоянно находились в поселках, в то время как их мужья и отцы проводили большую часть времени вдали от дома. Для семей, занимающихся оленеводством, три месяца школьных каникул (с июля по август) – единственный период, когда члены семьи могли быть вместе в тундре или в лесу. По причине гендерного разделения труда многим коренным жителям стало трудно найти партнера для брака. Описывая сельское сообщество в Эвенкийском автономном округе, Николай Ссорин-Чайков отмечает: "Количество неженатых охотников и пастухов соответствует количеству эвенкийских матерей-одиночек, живущих и работающих в деревне" (*Ssorin-Chaikov 2003: 185*).

На основании собственных материалов, собранных в коми и ненецких оленеводческих поселках Большеземельской тундры (*Habeck 2005*), автор может подтвердить та-

кое положение дел. На вопрос, почему именно в последние годы многие оленеводы не находят себя жен, респонденты сообщали, что работа в тундре и бытовые условия не устраивают женщин. Некоторые респонденты предполагали, что сами мужчины не хотят жениться. Например, пенсионерка в пос. Харута связала этот феномен со злоупотреблением алкоголем: "Им никакая жена не нужна. Их жена – бутылка" (ПМА 14 авг. 1998 г.).

Говоря о разделении труда в оленеводческой бригаде, хорошо знакомый с условиями оленеводства у коми информант из с. Петрунь (село на территории муниципального образования г. Инта) рассказывал, что мужчинам работать в оленеводстве "более интересно", нежели женщинам (ПМА 17 сент. 1998 г.). Девушки из двух оленеводческих семей, с которыми автор кочевал в течение нескольких месяцев в 1998–1999 гг., не планировали стать чумработницами (д. Новикбож на территории муниципального образования г. Усинска). Эти четыре молодые женщины (в то время им было от 15 до 18 лет) сообщали, что работать в тундре им "скучно", и выражали желание переселиться в город, чтобы в дальнейшем учиться или найти хорошо оплачиваемую работу (ПМА октябрь 1998 г.; апрель 1999 г.).

Описание этого асимметричного распределения полов в пространстве стало постоянной темой в антропологических исследованиях охотничьих и оленеводческих общин. Однако это явление характерно не только для коренного населения. Дифференцированное освоение пространства можно увидеть также среди приезжего населения Севера, особенно в городах с горнодобывающей промышленностью и в нефтедобывающих поселках (ср. *Ильин* 1998 о Воркуте; *Karjalainen, Habeck* 2004).

### ***Борьба с северной природой***

Дискурс о Севере как фронтире заявляет о себе уже на вокзале г. Воркуты: "Вас приветствует Воркута – форпост освоения Заполярья!" – гласит плакат на платформе железнодорожной станции (ПМА 3 марта 1999 г.). Основываясь на своих печальной истории и местоположении за 70-й широтой, город со временем приобрел и начал использовать специфический имидж выносливости и самодостаточности. Он присущ не только работающим под землей шахтерам, но и тем, кто регулярно выезжает из "форпоста" во враждебную людям тундру. Дискурс фронта проявляется и в описании истории г. Усинска (*Habeck* 2005: 56–58), ставшего центром нефтедобычи Республики Коми.

Освоение Севера требует немалых физических сил и мощных технологий (один из ярких символов борьбы человека со стихией северной природы – вездеход). Считается, что только мужчины должны заниматься тяжелым физическим трудом в трудных условиях, в то время как представителям "слабого пола" лучше жить в более приемлемых условиях в поселке или городе. Тундра представляется местом, где работают в основном мужчины: оленеводы, нефтяники, геологи, водители и летчики. Кажется, что профессии, в которых преобладают женщины, вне северных поселков почти не существуют. Женщины трудятся поварами или как подсобные работники на буровых скважинах, нефтяных базах, в оленеводческих чумах, но их число сравнительно невелико.

У женщин, работающих в оленеводстве, пространственная сфера деятельности также гораздо уже, чем у мужчин. Мужчины-оленеводы ездят практически каждый день на оленьих нартах, лыжах или буранах, чтобы пасти оленье стадо, заготавливать дрова, доставать другие необходимые для оленеводческой бригады вещи. Женщины-чумработницы находятся в основном внутри или поблизости от чума, варят, шьют, стирают. Обычно они путешествуют только тогда, когда чум переносится на новое место (т.е. во время "ямданки"). Одна из чумработниц сказала автору: "Мы (женщины. – *И.О.Х.*) тоже хотели бы ездить, как мужчины" (ПМА май 1999 г.).

Необходимо упомянуть, что коми относительно поздно стали заниматься оленеводством (*Истомин, Дронова* 2003), т.е. не жили в тундре "испокон веков". Кроме того,

пространственное разделение семьи между тундрой и селом практиковалось у многих оленеводческих семей коми еще в дореволюционное время. Есть основания полагать, что отношение оленеводов коми к окружающей среде и своей работе отличается от аналогичных отношений у соседних ненцев и других малочисленных народов Севера. В их разговорах, например, иногда возникает тема "борьбы" против суровой природы. Мы предполагаем, что этос оленеводов коми определяется также опытом и выносливостью. Именно у молодых оленеводов автор наблюдал агрессивное отношение к оленям и другим составляющим окружающей среды (Habeck 2005: 154, 155). В гневе принято ругать матом не только друг друга, но и ездовых оленей. Одновременно отношения между молодыми пастухами во многом характеризуются постоянным соперничеством и состязанием в физических способностях. Они борются друг с другом несколько раз в неделю. Подобные нравы отражают элементы "мачизма", которые обсуждаются ниже.

### **Нормативная сила "культуры" в советском и постсоветском обществе**

Понятие "культура" или, точнее, "культурность", приобрело особое нормативное значение еще во времена Советского Союза (Nielsen 1994). Каждый человек должен был постоянно стремиться к совершенствованию "социалистической личности", как и общество должно было приближаться к идеалу коммунизма. Вадим Волков (1999) показал, что понятие "культурность" было введено в 1935 г., чтобы стабилизировать советское общество после периода быстрых изменений (как, впрочем, и по другим причинам).

Север был особой целью этой политики. Как утверждал Юрий Слезкин, в планах коммунистической партии по просвещению якобы отсталых народов Сибири "культурность" стала одним из наиболее важных инструментов (Slezkine 1994: 219–246). Основными элементами культурности являлись начитанность и соблюдение личной гигиены. Впрочем, неупотребление бранных слов и соблюдение личной гигиены и в настоящее время считаются непеременимыми условиями "культурной жизни". По утверждению Слезкина, женщины становились наиболее надежными партнерами в советском проекте просвещения. Однако мы можем перевернуть этот аргумент и сказать, что женщины становились все более зависимыми от жизни в "культурном" окружении, таком, как поселок или город. Таким образом, континуум между "культурным" и "бескультурным" пространственно совпадает с гендерным распределением: стойбища охотников или оленеводов символизируют некультурную сторону континуума, в то время как сельская школа, школа-интернат и Дом культуры, которые есть в каждом большом поселке, являются очагами культуры и культурного поведения. В этих заведениях – школа и Дом культуры – женщины составляют большинство. "Культура" в северном поселке обретает гендерное измерение: она считается женской сферой. Подобное положение характерно и для вахтовых поселков нефтяников и городов, в которых работают жены нефтяников и обучаются их дети.

Дэвид Андерсон (Anderson 2000: 188–191) также заметил, что "культура" неравномерно распределена по разным секторам и местам занятости. На основе своей полевой работы в пос. Хантайском (Таймырский автономный округ) он пришел к заключению, что учителя и руководители<sup>3</sup>, которые трудятся в центральном поселке, занимают в культурной иерархии более высокое положение, чем рыбаки, охотники и оленеводы, составляющие в местной классификации категорию тундровиков. "Среди тундровиков попытка построить цивилизованные секторы в поселке закончилась созданием "дикой" части не обосновавшихся холостяков, которые по своим кочевым орбитам перемещаются вокруг совхоза", т.е. вокруг центральной его усадьбы (Ibid: 189).

Если следовать этим типичным представлениям, то складывается картина, что в большинстве окраинных сообществ мужчины "где-то там" в "бескультурной, нецивилизованной" сфере дикой природы борются с природным окружением, не стесняясь при этом пользоваться бранными словами и вряд ли имея возможность регулярно мыться. Остается неясным, в какой степени сами представители этих сообществ раз-

деляют такую оценку. То, как мужчины, работающие в этих условиях, видят себя сами, а также суть их маскулинности и отношений с женщинами (включая и то, как женщины воспринимают этих мужчин и относятся к ним), еще предстоит выяснить. Исследование этой темы должно включать в себя несколько профессиональных групп среди коренного и некоренного населения, а также жителей отдаленных поселков и больших северных городов. Результатом может стать лучшее понимание не только маскулинности во всех ее проявлениях и нюансах, но и несоответствия между маскулинностью и культурой<sup>4</sup>.

### **Отказ государства от периферийных регионов**

Конец советского проекта в начале 1990-х годов повлек за собой отступление государства не только от своих обязанностей обеспечивать социальную безопасность, но и от его цивилизаторской миссии. Основной тенденцией этого периода был отток населения в центральные регионы Российской Федерации (включая крупные города на юге Сибири) в ущерб для Севера, Дальнего Востока и других периферийных территорий. Такой же процесс наблюдался и на более локальном уровне: жители мелких населенных пунктов переселялись в более крупные (напр., Bloch 2003; Burawoy, Krotov 1995: 130, 131 о Хальмер-Ю и Воркуте).

Одновременно с демографическими потерями происходила потеря престижа и общегосударственной значимости северных городов и поселков. Такая потеря престижа ощущается, например, жителями Воркуты. Отвечая на вопрос об изменениях окружающей среды в рамках социологического опроса<sup>5</sup>, одна учительница сказала: "...Проявилась какая-то брошенность Севера. Раньше складывалось впечатление, что Воркута нужна, люди работают... Сейчас я думаю, что мы никому не нужны..." (ПМА 17 сент. 1998 г.; ср. Karjalainen, Habeck 2004: 180). Фронтир, т.е. граница цивилизации, больше не могла поддерживаться и была отодвинута. Поселок, который превращается из культурного в бескультурное (или менее культурное) пространство, предлагает меньше возможностей для женщин вести достойный образ жизни. Одна молодая женщина из г. Тура (Эвенкийский автономный округ) с горечью отметила: "Я деградирую" (ПМА июль 1995 г.). Этими словами она выразила потерю смысла и надежности, обусловленную тогдашним резким понижением уровня жизни.

Иногда "бескультурность" леса и тундры вторгается в "культурную" сферу поселка. Хэоник Квон описывает, как однажды в поселке на о-ве Сахалин группа пьяных оленеводов вернулась в деревню из леса и вела себя так грубо, что женщинам пришлось взять детей и искать убежища в местном Доме культуры (Kwon 1997). Здесь мы видим не только символическое, но и практическое значение Дома культуры как надежного пристанища в непредсказуемом, суровом социальном окружении, аналогично тому, как поселок был прежде надежным пристанищем в непредсказуемом и диком природном окружении.

Аймар Венцель, обобщая свои наблюдения, сделанные в пос. Урунг-Хая Анабарского улуса Республики Саха (Якутия) в 2000 г., пишет: "С уходом государства из периферийных регионов в 1990-е годы, во многих отдаленных общинах стали все более важными неформальные методы управления. Милицию перестали воспринимать всерьез. Люди предпочитали улаживать конфликты сами. Физическое насилие стало рассматриваться как законный и необходимый ответ на оскорбления" (Habeck et al. 2005).

### **Быть "крутым", или Как должен себя вести настоящий мачо**

Во время полевых исследований я постоянно сталкивался с необычной жесткостью, суровостью мужской гендерной роли в модели поведения северян. Многие мужчины в сельской и городской местностях ведут себя таким образом, что это ассоциируется с поведением мачо, хотя этот термин обычно относится к другим регионам мира (об этимологии термина и истории его использования см.: Gutmann 1996). Эта модель по-



ведения характеризуется такими чертами, как самоуверенность, соперничество, хвастливость, конфронтация, использование физической силы или угроз как средств решения конфликтов и сознательное игнорирование социальных норм (Habeck et al. 2005). В русском языке трудно найти эквивалент понятию "мачо". Русские слова, которые более всего подходят по смыслу – это прилагательное *крутой* и существительное *мужик*. Коннотации слова *крутой* у многих вызывают ассоциации с криминальной сферой. Частью семантического поля этого слова являются "нарушение социальных норм" и "потенциальное насилие", а также невозмутимость в трудных ситуациях и наличие определенных умственных способностей. Основные значения слова *мужик* – "деревенщина", "человек с грубыми манерами". В этом смысле оно ассоциируется с "бескультурностью".

Поведение "мачо" обычно связано с бранной речью, алкоголем и применением физической силы, даже если это происходит только на словах. Молодые мужчины в период после возвращения из армии и женитьбой или отцовством нередко позволяют себе такое поведение, и обычно это сходит им с рук. После того как мужчина женится и станет отцом, от него ожидают другого – поведения "солидного, остепенившегося мужчины", отца семейства (ср. Anderson 2004: 20). Он должен взять на себя ответственность за семью и смягчить внешние проявления "мачизма": склонность к разгулу и пьянству, а также нарочитой и циничной грубости. Систематическое публичное нарушение этого поведенческого стандарта может повредить его репутации<sup>6</sup>. Так как брак, отцовство и определенный возраст ассоциируются с "солидностью" и степенью, кажется справедливым связать склонность к применению физической силы и правонарушениям с периодом "неустроенности" в личности мачо. Эта точка зрения противоречит мнению "мачо" о самих себе: они считают физическое насилие признаком уверенности в своих силах и "устроенности в жизни". Однако даже для закоренелых мачо демонстрация такого поведения ограничивается социальным контекстом, временем и пространством. Следующий раздел иллюстрирует эти ограничения, в частности, пространственные. Я постараюсь показать, как поведение мачо проявляется в качестве признака "бескультурности" в связи с понятиями центра и периферии.

### **"Культурные" и "бескультурные" пространства**

В определенных местах "крутое" или "грубое" поведение неуместно, в то время как в других оно принимается или является ожидаемым. Существует видимая дихотомия между "культурным" поведением в школе и "бескультурным" вне школы, что, по-видимому, представляет собой форму протеста против доминирующих установлений и норм<sup>7</sup>. Кроме того, пространство – существенная категория для исследования дискурсивных связей и противоречий между гендером и "культурой". Как уже упоминалось выше, школа и Дом культуры в центре поселка ассоциируются с "культурным" поведением, воспринимаются преимущественно как женская сфера и являются своеобразным убежищем от "бескультурья".

Вот лишь два примера "бескультурных" мест внутри поселка, которые представляют собой арену для неформального поведения<sup>8</sup>. Первый пример – гараж, куда мужья и отцы могут прийти, если они чувствуют, что им необходимо на время удалиться от семейной жизни. Елена Здравомыслова и Анна Темкина (2002) упоминают об этом в своих исследованиях дискурса о гендерных взаимоотношениях в советском обществе, где бегство от семейных обязательств в компанию друзей стало стратегией утверждения маскулинности. Другой пример – котельная, которая обычно расположена на окраине деревни. Хотя ее функция заключается в том, чтобы снабжать население одним из предусловий "культуры" и "цивилизации" (а именно горячей водой), котельная одновременно является пространством "бескультурья", где общественные нормы и установления имеют лишь ограниченное действие. Описывая уход многих людей из общественной сферы в 1970-е годы, Алексей Юрчак описывает котельную как потен-

циальную нишу для тех, кто пытался избежать вовлеченности в господствующую идеологию (Yurchak 1997: 185).

В развитие идеи периферии как "бескультурного" пространства следует добавить, что нишей для тех, кто не желает адаптироваться к культурной жизни, или тех, кто не вписывается в общественную структуру поселкового сообщества (например, мужчины, которые не хотят жениться), могут служить тундра и лес. Это места, где не действуют господствующая идеология и общественный контроль; они позволяют охотникам или пастухам действовать "свободно" как в своей профессиональной деятельности (руководство находится в поселке и редко может проводить проверки), так и в повседневном поведении. Уход из деревни и выход в тайгу представляют собой не столько нарушение общественных норм, сколько удаление из пространства, где эти нормы важны и безусловны.

Нам представляется, что уход государства и регресс фронта способствуют "жестким формам" поведения. Это относится как к мужской части коренного населения, так и к приезжим мужчинам, живущим на Крайнем Севере. Для последних жизнь на Севере или на периферии может являться способом избегания общественного надзора. Однако они могут приехать туда и остаться там только в том случае, если продемонстрируют "силу" в широком смысле слова. Об этом свидетельствует распространенное утверждение, будто "Север не любит слабых". В то время как для коренных жителей Север – родина, многим русским он не представляется безопасной средой. Даже в административных центрах северных регионов (например, в г. Сыктывкаре – столице Республики Коми) "Север" имеет репутацию жесткого и трудного места, и многие городские жители считают путешествия туда опасными (ПМА сентябрь 1998 г.).

#### **Совершенствование места и совершенствование личности**

Понятие фронта и окраины как пространства относительной свободы и риска наряду с такими факторами, как финансовая выгода и энтузиазм от участия во всесоюзных стройках или других крупных проектах, – одно из условий, привлекавших людей с так называемого материка на Север. При совершенствовании и культивации места люди могли также усовершенствовать собственную "социалистическую личность" (ср. *Воут* 1994). Широко распространенный дискурс об освоении Севера и борьбе против суровых природных условий постоянно способствует укреплению образа дикой природы, которую следует укротить и победить. Этот дискурс имеет влияние не только на пространственную и профессиональную, но и на этническую категоризацию (ср. Слезкин о советской миссии просвещения коренных народов: *Slezkine* 1994).

Некоторые мужчины, изначально приехавшие на Север за быстрыми деньгами с намерением впоследствии вернуться на материк, оставались надолго, сожительствуя или вступая в брак с коренными женщинами. Последние нередко стремятся поддержать или улучшить свой социальный, экономический и "культурный" статус, выбирая не коренного, а приезжего супруга (*Kwon* 1997; *Vitebsky, Wolfe* 2001). Феномен таких бракосочетаний интерпретировался и критиковался Шерри Ортнер (*Ortner* 1974): мужчина символически представляет собой прибытие "культуры", в то время как женщина – промежуточный статус между "культурой" и "природой", особенно по сравнению с теми мужчинами из коренного населения, которые не присутствуют в поселке и, в свою очередь, представляют собой "детей природы". В северных поселках, которые удалось посетить автору, многие женщины считают, что совместная жизнь с мужчиной, работающим оленеводом или охотником, означает возврат назад, в "традиционную" сферу, менее "культурную" жизнь, т.е. фактически деградацию.

#### **Заключение**

В предыдущих разделах автор пытался показать некоторые взаимодействия и соотнесенность трех символических дихотомий: "женский – мужской", "культурный – не-

культурный", "центр – периферия". "Бескультурные" просторы российского Севера обычно считаются мужской сферой, тогда как "очаги культуры" или острова "культурности" – женской. Некоторые читатели могут интерпретировать это как инверсию анализа Шерри Ортнер на тему "Относится ли женщина к мужчине как природа к культуре?" (Ortner 1974). Суть настоящей статьи, однако, не в этом. Автор хотел показать, как эти дихотомии построены и как они укрепляют нормативную силу гендерной идеологии. В целом автору близка позиция Ортнер, которая проявляет крайнюю осторожность в своих попытках объяснить суть маскулинности биологическими основами. Я разделяю ее намерение "показать убедительную природу логики, потому что если бы она не была убедительной, люди не продолжали бы соглашаться с ней" (Ibid: 68).

Гендерные роли, модели поведения и дискурс о них стали постепенно усложняться как у русских, так и у нерусских жителей Российской Федерации. Это не может не отразиться на задачах и актуальной тематике социальных наук. Дисциплины, на которые автор ссылался в начале, – гендерные исследования, социология, этнология и антропология – могут только выиграть от более тесного взаимодействия и сравнения полученных результатов. С одной стороны, исследователи гендерных отношений в России могли бы обращать большее внимание на взгляды представителей коренных народов, которые в настоящее время исследуются главным образом этнографами и антропологами. Интерпретации гендерных ролей и межполовых взаимоотношений у ненцев, бурят, саха или чукчей отличаются от их интерпретации у славянских народов, и анализ этих различий может поставить под вопрос ряд предположений о "естественном характере" гендера. С другой стороны, этнографические и антропологические исследования коренных групп дают возможность оценить привлекательность "традиционного" образа жизни только в том случае, если они включают в себя и исследования "нетрадиционных" выборов, выборов, которые порой противоречат основным ценностям, ассоциируемым с определенной этнической идентичностью. Таким образом, этнографические и антропологические исследования на российском Севере и в других странах могут извлечь определенную пользу, обратив внимание на разнообразие стилей жизни и происходящие изменения в общественных нормах и ценностях.

Разнообразие стилей жизни само по себе представляет нечто иное, чем разнообразие субкультур. Во введении мы уже указывали на то, что субкультуры определяются не этническими, а иными признаками, и что одним из таких стержней может служить профессия. Однако разделение между этническими и профессиональными признаками не всегда просто. В случае с нефтяниками этническая специфика редко обсуждается – кажется, она не столь уж важна. Что же касается оленеводов, то их профессиональная деятельность зачастую напрямую связана с этнической идентичностью.

И еще один вывод, относящийся к субкультурам. Чем крупнее (и центральнее) населенный пункт, тем шире диапазон субкультур, что, по всей видимости, связано с рамками моделей поведения, допускаемых в данном сообществе. Это касается именно тех субкультур, которые отклоняются от мужского "мейнстрима", например, метросексуалов (см. статью И.Г. Остроух в данном выпуске) или геев. Если Север не предоставляет женщинам приемлемые условия для "приличной" жизни, то данные условия тем менее приемлемы для мужчин, основывающих личную идентичность на нетрадиционной сексуальной ориентации. Во избежание дискриминации им лучше уехать в крупный город. В более жесткой среде доминирующим становится поведение "мачо", которое никем не ставится под сомнение. Следует отметить, что гомосексуальные контакты происходят и в северных поселках, но они существуют вне дискурсивных рамок геевского стиля жизни. Дискурс о Севере как фронтире, месте борьбы человека с суровыми условиями, не дает возможности мужчинам вести себя "не мужественно", ведь "Север не любит слабых". Метросексуалов и геев в тундре не видать, да и в Воркуте их, пожалуй, очень мало.



### Примечания

<sup>1</sup> Этнографические исследования проводились автором в сельских и городских населенных пунктах на севере Республики Коми и в Ненецком автономном округе в 1998–1999 гг. (см. *Nabeck* 2005) с дополнительными кратковременными работами с 2000 по 2003 гг., но в данной статье используются и материалы, собранные в Эвенкийском автономном округе в 1993 и 1995 гг.

<sup>2</sup> См. подробнее в: *Fondahl* (1998: 69–71); *Kwon* (1997); *Rethmann* (2001); *Ssorin-Chaikov* (2003: 184–185); *Vitebsky, Wolfe* (2001).

<sup>3</sup> Тем не менее в верхушке профессиональной иерархии сельскохозяйственных предприятий большую часть составляют мужчины (*Vitebsky, Wolfe* 2001). Этот факт – пример того, что в советской и постсоветской социальной, экономической и политической иерархии центральные и влиятельные посты занимают в основном мужчины, что не противоречит символической ассоциации "некультурного" с "мужской" сферой.

<sup>4</sup> *Цивилизация* считается техническим и инфраструктурным дополнением к культуре. На вопросы автора в разных регионах России, что означает слово "цивилизация", большинство респондентов определяло ее в техническом смысле: наличие водопровода, асфальтированных дорог и телефонной связи.

<sup>5</sup> Данным опросом занимался Т.П. Карьялайнен (научный сотрудник Университета Оулу) в рамках международного, междисциплинарного проекта "ТУНДРА" осенью 1998 г. в городах Усинске и Воркуте.

<sup>6</sup> В некоторых ситуациях данное поведение допускается, когда мужчины бывают между собой или среди близких. Автор благодарен И.А. Морозову за данное уточнение (устное сообщение 30 марта 2006 г.).

<sup>7</sup> Автор выражает признательность своим коллегам Патрику Хэди и Брайану Донахью, которые подчеркнули, что агрессивное поведение молодых мужчин можно интерпретировать как протест против общественного беспорядка, а не против общественного порядка. По их словам, в обществе, где производственная сторона жизни "разваливалась" на протяжении нескольких лет, не осталось русла, по которому можно было бы направить энергию людей для ее продуктивного использования: вместо этого энергия выходит из-под контроля и превращается в агрессию, направленную на других и на себя (устное сообщение, май 2005 г.).

<sup>8</sup> Автор убедился в неформальности атмосферы этих мест в одном из гаражей г. Инта и в котельной с. Петрунь недалеко от Инты (ПМА 1998).

### Литература

*Здравомыслова, Темкина* 2002 – *Здравомыслова Е., Темкина А.* Кризис маскулинности в позднесоветском дискурсе // *О муже(н)ственности* / Отв. ред. С. Ушакин. М., 2002. С. 432–451.

*Ильин* 1998 – *Ильин В.И.* Власть и уголь: шахтерское движение Воркуты (1989–1998 годы). Сыктывкар, 1998.

*Истомин, Дронова* 2003 – *Истомин К.В., Дронова Т.И.* Межэтническое взаимодействие в печорском крае: ненцы, русские (устылицы) и коми-ижемцы // *Этнограф. обозрение*. 2003. № 5. С. 54–67.

*Кон* 2001 – *Кон И.С.* Лекция 3: Российский мужчина и его проблемы // *Гендерный калейдоскоп: курс лекций* / Отв. ред. М. М. Малышева. М., 2001. С. 229–242.

*Лашов, Литовка* 1982 – *Лашов Б.В., Литовка О.П.* Социально-экономические проблемы развития народностей Крайнего Севера. Л., 1982.

ПМА – Полевые материалы автора.

*Увачан* 1984 – *Увачан В.Н.* Годы, равные векам: строительство социализма на советском Севере. М., 1984.

*Хоткина* 2001 – *Хоткина З.А.* Гендерный подход к анализу труда и занятости // *Гендерный калейдоскоп: курс лекций*. С. 353–378.

*Юрчак* 2002 – *Юрчак А.* Мужская экономика: не до глупостей, когда карьеру куешь // *О муже(н)ственности*. С. 245–267.

- Anderson* 2000 – *Anderson D.G.* Identity and ecology in Arctic Siberia: The Number One reindeer brigade. Oxford, 2000.
- Anderson* 2004 – *Anderson D.G.* 'Everything is still before you': the irony of youth discourse in Siberia // *Sibirica*. 2004. Vol. 4. № 1. P. 14–30.
- Bloch* 2003 – *Bloch A.* Red ties and residential school: indigenous Siberians in a post-Soviet state. Philadelphia, 2003.
- Boym* 1994 – *Boym S.* Common places: mythologies of everyday life in Russia. Cambridge, Mass., 1994.
- Burawoy, Krotov* 1995 – *Burawoy M., Krotov P.* Class struggle in the tundra: The fate of Russia's workers' movement // *Antipode*. 1995. Vol. 27. № 2. P. 115–136.
- Fondahl* 1998 – *Fondahl G.* Gaining ground? Evenkis, land and reform in southeastern Siberia. Boston, Mass., 1998.
- Gutmann* 1996 – *Gutmann M.C.* The meanings of macho: being a man in Mexico City. Berkeley, Calif., 1996.
- Habeck* 2005 – *Habeck J.O.* What it means to be a herdsman: the practice and image of reindeer husbandry among the Komi of Northern Russia. Munster, 2005.
- Habeck et al.* 2005 – *Habeck J.O., Pirie F., Eckert J., Ventsel A.* What it takes to be a man: constructions of masculinity // Max Planck Institute for Social Anthropology Report 2004–2005. Halle / Saale 2005. P. 35–50.
- Karjalainen, Habeck* 2004 – *Karjalainen T.P., Habeck J.O.* 2004. When 'the Environment' comes to visit: local environmental knowledge in the Far North of Russia // *Environmental Values*. 2004. Vol. 13. № 2. P. 167–186.
- Kwon* 1997 – *Kwon H.* Movements and transgressions: Human landscape in northeastern Sakhalin // *Arctic Ecology and Identity* / Ed. S.A. Mousalimas. Fullerton, Calif.; Budapest, 1997. P. 143–169.
- Nielsen* 1994 – *Nielsen F.S.* Soviet culture – Russian *kul'tura*: culture, ideology and globalization in the Soviet Union and thereafter, as compared to similar Western phenomena... ([http://www.anthrobase.com/txt/N/Nielsen\\_F\\_S\\_02.htm](http://www.anthrobase.com/txt/N/Nielsen_F_S_02.htm))
- Ortner* 1974 – *Ortner S.B.* Is female to male as nature is to culture? // *Woman, culture and society* / Eds. M.Z. Rosaldo, L. Lamphere. Stanford, 1974. P. 67–87.
- Pilkington* 1996 – *Pilkington H.* (Ed.). Gender, generation and identity in contemporary Russia. L.; N.Y., 1996.
- Rethmann* 2001 – *Rethmann P.* Tundra passages: History and gender in the Russian Far East. University Park, Penn., 2001.
- Rotkirch* 2000 – *Rotkirch A.* The Man Question: loves and lives in late 20<sup>th</sup> century Russia. Helsinki, 2000.
- Slezkine* 1994 – *Slezkine Y.* Arctic mirrors: Russia and the small peoples of the North. Ithaca, 1994.
- Ssorin-Chaikov* 2003 – *Ssorin-Chaikov N.* A social life of the state in subarctic Siberia. Stanford, 2003.
- Vitebsky* 1992 – *Vitebsky P.* Landscape and self-determination among the Eveny: the political environment of Siberian reindeer herders today // *Bush base: forest farm: culture, environment and development* / Eds. E. Croll, D. Parkin. L., 1992. P. 223–246.
- Vitebsky, Wolfe* 2001 – *Vitebsky P., Wolfe S.* The separation of the sexes among Siberian reindeer herders. Sacred custodians of the Earth? Women, spirituality, and the environment / Eds. A. Low, S. Tremayne. Oxford 2001. P. 81–94.
- Volkov* 1999 – *Volkov V.* The concept of kul'turnost': notes on the Stalinist civilization process // *Stalinism: new directions* / Ed. S. Fitzpatrick. L., 1999. P. 210–230.
- Yurchak* 1997 – *Yurchak A.* The cynical reason of late socialism: power, pretense and the anecdote // *Public Culture*. 1997. № 9. P. 161–188.